

Осетинские башни-святителища в урочище Ерман

Сергей А. Яценко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sergey_yatsenko@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрены особенности трех башен в селениях Верхний и Средний Ерман у истоков Большой Лиавы в Южной Осетии, на высоте около 2200 м. Эта территория заселялась с севера, из Куртатинского ущелья. На углах этих башен или на каждой стороне изображена серия граффити, в том числе по 4–5 знаков-тамг и солярные знаки. Такие башни имели вход, ориентированный на юг, и находились ниже остальных. Рядом с ними находились свободные площадки и небольшое здание. Вероятно, это башни-святителища (дзуар маэсыг), но эта функция была у них не первоначальной. Она возникла после уменьшения военных опасностей для тех башен, кланы которых имели прославленных предков. Такие башни обычно принадлежали наиболее влиятельным кланам. Молитвы и жертвоприношения проводили несколько пожилых мужчин, а пиры-кувды проводились снаружи. Справа от входа изображались эмблема патронимии (подчас ее окружали солярные знаки), которой принадлежала башня, а также 3–4 тамги знаков других патронимий. Иногда у такой башни лежал плоский камень, на котором писали свои инициалы участники молитв и банкетов.

Ключевые слова: башни-святителища, осетины, особенности функционирования, граффити, тамги патронимий, Ерман, Южная Осетия

Для цитирования: Яценко С.А. Осетинские башни-святителища в урочище Ерман // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология». 2024. № 2. С. 108–117. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-2-108-117

The Ossetian towers-sanctuaries of Erman Valley

Sergei A. Yatsenko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
sergey_yatsenko@mail.ru*

Abstract. The author describes the features of three towers in the Upper and Middle Erman Villages at the source of the Big Liakhva in South Ossetia, at an altitude of about 2200 m. The area was inhabited from the north, out of the

Kurtaty Gorge. On the corners of these towers or on each side there is a series of graffiti, including 4–5 tamga-signs and solar signs. Such towers had an entrance oriented to the south and stood below the others. Next to them there were vacant areas and a small building. Those are probably sanctuary towers (*dzuar mæsyg*), but it was not their original function. The feature came about after diminishing the war dangers for towers owned by clans that had illustrious ancestors. Such towers usually belonged to the most influential clans. The prayers and sacrifices were performed by a few elderly men, and the *kuvd* feasts were held outside. To the right of the entrance was depicted the emblem of the lineages (sometimes surrounded by solar signs) to which the tower belonged, as well as 3–4 tamga-signs of other lineages. Sometimes near such a tower there was a flat stone on which participants in prayers and banquets wrote their initials.

Keywords: towers-sanctuaries, Ossetians, features of functioning, graffiti, tamga-signs of lineages, Erman, South Ossetia

For citation: Yatsenko, S.A. (2024), “The Ossetian towers-sanctuaries of Erman Valley”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory, Linguistics, Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 108–117, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-2-108-117

Урочище Ерман находится у самых истоков р. Большая Лиахва, где на высоте 2100–2200 м расположены три небольших горных селения – *хъæу* – Верхний, Средний и Нижний Ерман (верхнее из них заброшено). Эти селения относятся к небольшому району Урстуалтæ или Куырттатаæ, заселение которого осетинами связывается прежде всего с выходцами из северного Куртатинского ущелья; населенные пункты здесь обычно находятся на южных, лучше прогреваемых солнцем склонах – *хуссартæ*. Долина речки Ермандон (текущей в направлении юго-восток – северо-запад) представляет немалый интерес для исследования разных сторон культуры осетин. Крестьяне жили здесь в условиях сурового климата высокогорья и имели среди соседей славу людей со сложным характером, которые также не смогли хорошо наладить свой быт. Однако в этом «краю башен» ерманцы смогли прославиться и качеством своих каменных башен – *мæсыг* [Сланов 2017, с. 18–19], принадлежавших отдельным группам родственных семей – патронимиям или нередко формально – более крупным единицам, кланам-фамилиям – *мыггаг* (помощь в строительстве и т. п.). Всего в трех селениях у речки Ермандон сохранились в разной степени десять таких построек, и три из них в верхнем и среднем высокогорье заслуживают особого рассмотрения. Уникальной спецификой Верхнего Ермана можно считать то, что только здесь на всех вполне сохранившихся башнях есть серия граффити, среди которых – знаки-тамги.

Граффити на постройках этого урочища анализировались мною по итогам этнографической экспедиции с владикавказским коллегой А.А. Слановым, организованной в июле 2023 г. [Яценко, Сланов, Хутинаев 2023, с. 560–565, 570–571]. К сожалению, один из углов каждой башни был, как обычно, аккуратно взорван имперской армией между 1830 и 1850 гг. в связи с «волнениями» местных осетин, однако от всех трех построек осталось достаточно много, чтобы сделать ряд интересных наблюдений (ил. 3).

При этом две башни в Верхнем Ермане (Короевых и нижняя Джелиевых) и одна – в Среднем Ермане (нижняя у Фарниевых) имеют одно любопытное отличие от тех, что известны в других горных районах проживания осетин. Здесь на всех трех сохранившихся углах или на каждой из стен представлены граффити, выбитые в камне серий точечных ударов и включавшие, среди прочего, по 4–5 разных знаков-тамг; при этом можно считать, что крупная тамга основных хозяев (строителей) башни здесь находилась на почетном месте справа от входного проема (у Короевых она «осеялась» двумя крестами, а снизу – свастикой) (ил. 4, 1–3). Первая, уникальная деталь оформления стен позволила мне предположить в упомянутой статье, что речь идет об упоминаемых этнографами нескольких особых башнях-святилищах – *дзуар маэсыг*. Увы, какие именно башни в Верхнем Ермане указали информаторы как «святые», этнографы не упоминают (ср. [Сланов 2017, с. 21, 35, 49–50, 92; Чибиров 2020, с. 103–104]). Сакральная функция этих башен была вторичной, поздней, оформившейся уже после того, как с начала XIX в. эти укрепления перестали служить реальной защитой; по мнению К.К. Кочиева, будущие башни-святилища ассоциировались со знаменитыми предками. В связи с Новым годом и по другим поводам у них устраивали моления с жертвоприношениями; здесь также позволялось совершать «удаленные» моления покровителям тех святых мест, до которых в данный момент было далеко или из-за погоды трудно добраться. В башнях хранились необходимые для молений предметы, а в их стены подчас могли замуровать ценные приношения (в одном случае в Верхнем Ермане в 1926 г. там достоверно была найдена серия серебряных монет), а также шампур для жертвенной еды и т. п. Со слов информатора Л.А. Чибирова (которые стоит проверить), башни-святилища были именно семейными святынями; не только молитвы и жертвоприношения, но и связанные с ними пиры-кувды происходили здесь в их небольшом внутреннем пространстве.

Несмотря на связь большинства жителей с куртатинцами, в самом Куртатинском ущелье (в Цимити и др.) близкие серии граффити на всех сторонах/углах башен, с тамгами, неизвестны

(ср. [Яценко 2023, ил. 12]), и речь явно идет об обычае, возникшем в конкретной общине уже после переселения в верховья Большой Лиахвы. Отмечу, что на еще одной башне (в заселенном куртатинцами же более северным с. Галуата) гравировки необычно размещались на пороге входного проема башни и потому уже 20 лет назад были стерты и едва заметны [Сланов 2017, с. 17] (ныне этот участок разрушен).

В двух случаях башни с сериями таких изображений принадлежали наиболее уважаемым кланам обоих селений, ведущим свои генеалогии от куртатинцев (Джелиевы, Фарниевы) и имевшим не единственную, а по две построенных рядом башни. У них также фамильный склеп, похоже, отличался от таковых у соседней изолированным размещением (на своем участке у жилого дома), а также имел на фасаде серии граффити (Фарниевы) либо отличался своим типом (у Джелиевых – наземный, а не полуподземные, как у остальных) [Яценко, Сланов, Хутинаев 2023, с. 570–571]. Возникает вопрос: нельзя ли выявить какие-либо еще дополнительные детали функционирования ерманских башен-святилищ? В этом случае письменные сведения и устные информаторы нам уже не помогут. Придется обратиться к самим башням, к окружающим их полуразрушенным и разрушенным постройкам, к их природному окружению. Все эти объекты, к сожалению, молчат. Посмотрим, захотят ли они нам поведать что-нибудь интересное.

Обратимся для начала к пространственным характеристикам башен. Вероятные башни-святилища отличаются от прочих соседних и в этом. Во-первых, они ориентированы входом на южный сектор, в сторону речки, тогда как «обычные» соседние башни – на восточный сектор. Во-вторых, они всегда находятся ниже близлежащих башен; это особенно наглядно в случае соседних парных башен одной фамилии (Хебосты / Джелиевых, Хъæвдынты / Фарниевых), и соответственно – ближе к речке Ермандон. Это относится и к упомянутой башне из «куртатинского» селения Галуата. Конечно, ориентация самих башен (на склоне и т. п.) и входов в них зависела прежде всего от потребностей обороны (они должны были затруднить проникновение в башню врагов), но и приведенные наблюдения игнорировать не стоит.

К сожалению, планы двух селений в Ермане никогда не составлялись (при этом Верхний Ерман заброшен после переселения 1944 г., а Средний обитаем частично). Однако детали планировки этих селений со всеми стенами заброшенных домов, различных оград и т. п. неплохо видны на космических снимках в Google.mars (надо заметить, что в советское время многие стены на большую часть их высоты явно были разобраны на камень). При этом в

Среднем Ермане нижняя башня Фарниевых находится в центре селения, у устья небольшой ложбины. Это селение имеет ясно организованное сакральное пространство: оно как бы окаймляется с трех сторон святилищами на небольших холмах (у березовых рощиц с двух противоположных краев – Уастырджи с северо-востока и Стыр Хуцау с северо-запада, у главного въезда с запада – Уацилла), а за северным краем тянется цепочка полуподземных склепов. Старое ядро селения находится в западной части; здесь расположены и все башни (ил. 1, 2). Вероятная башня-святилище не имеет пристроенных к ней впритык построек и капитальных оград, но при этом в 3 м южнее находится небольшое здание (сегодня используемое под хлев) (ил. 2, 3–4). Верхний Ерман отличался более плотной застройкой в форме неправильного овала, с запада ограниченного ложбиной с родником, а с востока – началом довольно крутого подъема к главному здесь Святилищу Красного (Сырхыдуар) (ил. 1); все три святых места здесь находились к востоку, ближе к Кельскому перевалу. Две интересующие нас башни как бы маркировали края селения с юга (у спуска к речке – нижняя Желиевых) и с востока, в начале пути к святыне (Кароевых), тогда как фамильные склепы в основном располагались рассеянно на северо-западе – западе. Башня Желиевых имеет остатки ограды с двумя секциями с северо-запада и следы небольшой жилой (?) постройки с северо-востока (ил. 2), а башня Кароевых – остатки оград и небольшого дома (?) из двух секций с юга (ил. 2, 1). Иными словами, несмотря на разборку стен и оград на камень и частичное их обрушение, ясно, что в непосредственной близости от каждой из башен имелось небольшое строение, возможно жилое. Не менее важно, что к каждой башне примыкал довольно большой участок, свободный от любых построек.

Рассмотрим теперь специфические особенности трех башен (они описаны сверху вниз по течению реки).

Башня Кароевых сохранилась в Верхнем Ермане хуже остальных. Известные здесь знаки гравированы в сходной манере узким долотом. Четыре знака здесь – явные тамги [Яценко, Сланов, Хутинаев 2023, ил. 3] (ил. 3). Наиболее интересна композиция над входом в башню, где хозяйскую тамгу окружают два креста по краям и свастика внизу (ил. 4, 1); остальные знаки (солярные) размещены весьма низко над уровнем земли.

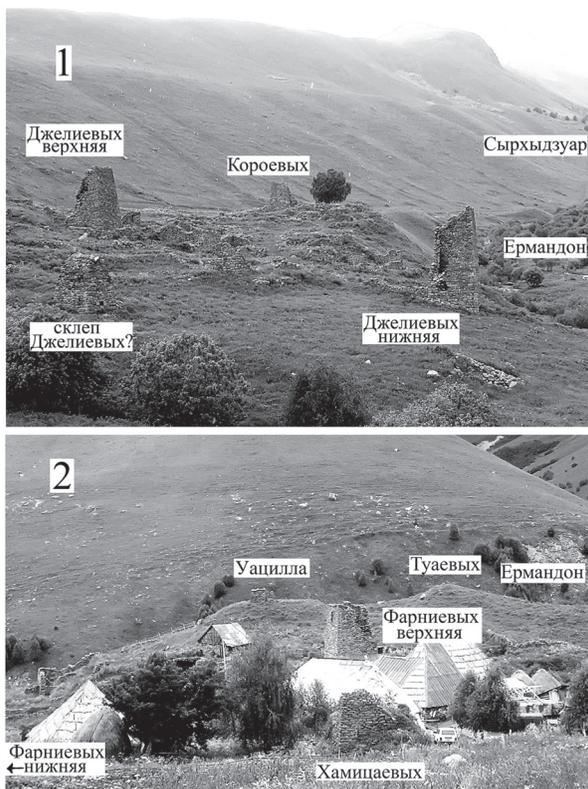
Нижняя башня Желиевых. Вход в нее на юго-восточной стене. Взорван был северо-западный участок, включая северный угол башни. Здесь тоже (за одним исключением) фигуры выбиты однотипным инструментом с узким лезвием. Предполагаемая крупная тамга хозяев изображена справа от входа, на самом углу;

при этом сразу за углом на том же уровне видим «дополняющую» ее неоконченную фигурку лошадки (ил. 4, 2–3). Не менее любопытно то, что из пяти выявленных здесь тамг две пары близких между собой по форме, то есть, видимо, принадлежали близким родственникам. В той же манере выбито на одной из стен и самое позднее из «традиционных» граффити этой башни: «С.А.Д(железиев). Р(ождества Христова) 1920». Это время очередного восстания осетин против правительства Грузии летом 1920 г., вызвавшее как массовую гибель населения, так и его бегство за Кавказский хребет.

На *нижней башне Фарниевых* тамга хозяев также нанесена явно справа от входа (родственный знак видим на противоположной стороне постройки). Довольно странно то, что этот самый крупный и находящийся на престижном месте знак был многократно и небрежно перечеркнут явными недоброжелателями (ил. 4). Как и на предыдущей башне, мы видим здесь фигуры (тамги) по обе стороны от угла и на одном уровне (и даже на одном угловом камне). Видимо, с происходившим в башне связан один уникальный объект: неподалеку от входа в башню слева лежит окатанный рекою и уплощенный валун светло-серого гранита 2 м в длину (ил. 4, 5). Он довольно плотно покрыт множеством инициалов около десятка мужчин из клана/фамилии Фарниевых, обязательно включающих букву «Ф.». Можно думать, что инициалы маркируют участие в одной или нескольких важных встречах родственников, начинавшихся с молитвы в башне и заканчивавшихся застольем вне ее, неподалеку от камня.

Теперь попробуем проверить уже приводившуюся информацию о сугубо семейной принадлежности этих предполагаемых башен-святых. Наличие на каждой из них серии аккуратно вырезанных и разных по форме тамг (которые были скорее эмблемами патронимий, в редких случаях – кланов/фамилий) говорит нам о присутствии при обрядах у таких башен немалого числа родственников-мужчин (формы тамг в одной патронимии у осетин подчас сильно различались). Могли ли квадратная башня с маленьким внутренним помещением на этаже длиной всего 3–3,5 м (внешний размер стен в основании – 6,1–6,3 м) принять участников праздничного застолья [Чибиров 2020, с. 104]? Такой вариант исключается. К тому же, считать такие башни собственностью конкретных семей нет оснований: они обычно принадлежали патронимии. Думаю, справедливо мнение К.К. Кочиева о том, что здесь могли находиться в праздничный день лишь три старейшины, совершавшие моление богу, Уастырджи и покровителю данного святилища. Застолье – кувд – происходило на площадке у башни (такие есть, как уже

говорилось, у каждой из них), а в плохую погоду – в сравнительно небольших зданиях, которые тоже располагались у каждой из этих башен. Думается, в таких застольях регулярно участвовали люди из тех 4–5 патронимий, знаки которых вырезаны для обозрения на изучаемых башнях Ермана.

Ил. 1. Основная застройка селений:
 1 – Верхний Ерман, вид с юго-запада;
 2 – Средний Ерман, западная часть, вид с севера.
Фото автора

Кароевы

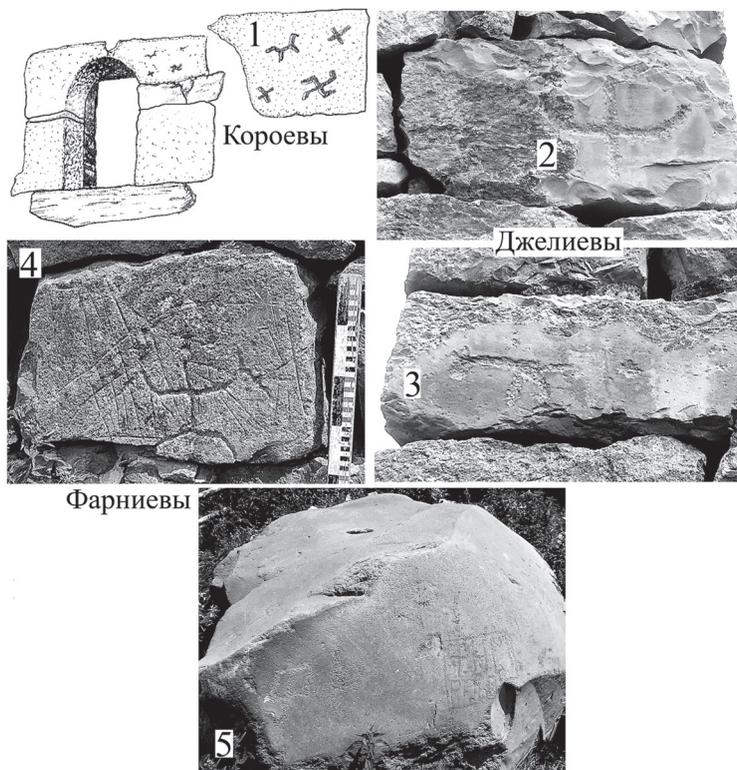
Джелиевы нижняя

Фарниевы нижняя

Ил. 2. Ограды и пристройки у башен:
 1 – вид с северо-запада; 2 – вид с востока;
 3 – вид с северо-запада; 4 – вид с юго-запада.
 Фото автора

Ил. 3. Планы башен с местами подрыва, линиями прилегающих построек, граффити солярных символов и тамг.
 Рисунок автора

Ил. 4. Детали оформления башен и их окружения:
 1, 2, 4 – предполагаемые тамги хозяев башен;
 3 – граффити лошади; 5 – камень с надписями молящихся
 из фамилии Фарниевых.

Фото автора

Благодарности

При написании статьи для меня были очень полезны любезные консультации Л.А. Чибирова и К.К. Кочиева.

Acknowledgements

The author sincerely thanks L.A. Chibirov and K.K. Kochiev for information they provided.

Литература

- Сланов 2017 – *Сланов А.А.* Исторические области Южной Осетии. Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2017. 224 с.
- Чибиров 2020 – *Чибиров Л.А.* Поселения и жилища осетин. Владикавказ: Ир, 2020. 256 с.
- Яценко 2023 – *Яценко С.А.* О некоторых группах осетинских и аланских тамг // Из истории культуры народов Северного Кавказа / Под ред. Ю.А. Прокопенко, С.Н. Малахова. Ставрополь; М.: Печатный двор, 2023. Вып. 16. С. 436–468.
- Яценко, Сланов, Хутинаев 2023 – *Яценко С.А., Сланов А.А., Хутинаев А.Х.* Осетинские граффити на постройках верховьев Большой Лиавы // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2023. № 15. С. 555–589.

References

- Slanov, A.A. (2017), *Istoricheskie oblasti Yuzhnoi Osetii* [The historical regions of South Ossetia], IPP imeni V.A. Gassieva, Vladikavkaz, Russia.
- Chibirov, L.A. (2020), *Poseleniya i zhilishcha osetin* [The settlements and houses of Ossetians], Ir, Vladikavkaz, Russia.
- Yatsenko, S.A. (2023), “On some groups of the Ossetian and Alanian tamgas”, in Prokopenko, Yu.A. and Malakhov, S.N., eds., *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza* [From the cultural history of the peoples of the North Caucasus], iss. 16, Pechatnyi dvor, Stavropol', Moscow, Russia, pp. 436–468.
- Yatsenko, S.A., Slanov, A.A. and Khutinaev, A.Kh. (2023), “Ossetian graffiti on the buildings in upper Big Liakhva basin”, *Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*, no. 15, pp. 555–589.

Информация об авторе

Сергей А. Яценко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sergey_yatsenko@mail.ru

Information about the author

Sergei A. Yatsenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; sergey_yatsenko@mail.ru